

М. Б. Плюханова

О ДЕЛЕ ОФОНЬКИ НАУМЕНКА И О КАЛАБРИЙСКОМ ПРОРОКЕ ТОММАЗО КАМПАНЕЛЛЕ: ЛЮДИ ЭПОХИ БАРОККО

Резюме

Московское сыскное дело стрельца Офоньки Науменка 1642 г., обвиненного в намерении «испортить» царицу, не содержит определенных исторических сведений; как исторический источник оно полезно в основном для истории пыток. Под розыск попали сотни людей: стрельцы, пушкари, иноземцы и пр., — руководили бояре и царь. Дело передает атмосферу времени — жестокость, хаотичность, социальный динамизм, общее доверие к магии. Особую ценность представляет текст, найденный при обыске и приведенный в деле, — о калабрийском пророке, объявившем себя сыном Христовым, мессией, собравшем множество людей и намеревавшемся создать царство мира и справедливости. Эта легенда в нашей статье соотнесена с историей калабрийских восстаний 1599 и 1633 гг., с фигурой Томмазо Кампанеллы, вдохновителя волнений, принявшего роль пророка, с его планами создать идеальное общество и обновить мир ввиду приближающейся всеобщей гибели. Эсхатологическая мессианская легенда о калабрийском пророке-избавителе могла найти благодатную почву в московской среде конца 1630-х — 1640-х гг., отмеченной религиозными и социальными брожениями. Как инструмент, помогающий сопоставлять западноевропейские и русские явления XVII в., в статье используется понятие «эпоха барокко», разработанное историком Р. Виллари и в сходном ключе — А. М. Панченко.

Ключевые слова: XVII век в России и в Италии, социальные и религиозные движения XVII в., Томмазо Кампанелла, легенда об избавителе, эпоха барокко, эсхатология, миллениаризм, мессианство, магия

Maria B. Pliukhanova

THE CASE OF OFON'KA NAUMENOK AND THE CALABRIAN PROPHET TOMMASO CAMPANELLA: PEOPLE OF THE BAROQUE PERIOD

Abstract

In 1642, the *strelets* Ofonka Naumenok stood trial in Moscow for intending to “spoil” the tsarina. The proceedings of this trial do not contain specific historical information. As a historical source they are useful mainly in the context of the history of torture. Hundreds of people were involved in the criminal proceedings, which were directed by the boyars and the tsar. The account of the trial gives a good sense of the atmosphere of the time — cruelty, chaos, social dynamism, and a widespread belief in magic. Especially valuable is a text that was found during the investigation and included in the trial proceedings. The text was about a Calabrian prophet who proclaimed himself the son of Christ, the Messiah, who gathered numerous followers, and who intended to create a kingdom of peace and justice. This article connects the legend with the history of the Calabrian uprisings of 1599 and 1633, which were inspired by Tommaso Campanella. Campanella took on the role of a prophet with the intention to create an ideal society and to rejuvenate the world before its impending destruction. The eschatological, messianic, and salvational legend about the Calabrian prophet was bound to find rich resonance in Moscow, which was marked by religious and social unrest at the end of the 1630s and in the 1640s. In the juxtaposition of the seventeenth-century Western European and Russian phenomena, this study employs the concept of the “Baroque period” developed by the historian Rosario Villari and, in a similar way, by Aleksandr Panchenko.

Keywords: the 17th century in Russia and Italy, seventeenth-century social and religious movements, Tommaso Campanella, legends about salvation, Baroque period, eschatology, millenarism, magic

DOI 10.31860/2712-7591-2022-3-42-71

Сближение в одной статье имен московского стрельца Офоньки Науменка¹ (а также его товарищей, стрельца Гришки Казанца и его жены Катеринки) с фигурой калабрийского пророка и философа Томмазо Кампанеллы может показаться странным и даже экстравагантным, в барочном стиле, совмещением элемента простого и грубого с явлением высокой культуры.

¹ Дело по извету иноземца Д. Рябицкого на О. Науменка в том, что он умышлял портить и уморить царицу Евдокию Лукьяновну. 18 марта 1642 г. — 20 мая 1643 г. Дело опубликовано: [Московская деловая и бытовая письменность, с. 254–276]. В следственном деле орфография нерегулярная, имя и фамилия стрельца пишутся по-разному: Офонка или Офонька Науменок. Мы в данной статье, не стремясь к лингвистически точному воспроизведению текста, будем использовать вариант Офонька. При цитировании дела орфографию упрощаем, но не приводим к современным нормам.

И действительно, Кампанелла — автор множества богословских, философских сочинений и стихов, его трактаты, эсхатологические учения и проекты широко распространялись уже при жизни в рукописях и печатных изданиях².

А Офонька высказался только в одной форме — в следственных показаниях, в пыточных речах. Правда, показания эти составляют текст довольно протяженный, поскольку следствие по делу Офоньки длилось более года. Но, с другой стороны, и многие произведения Кампанеллы связаны с судебными процессами, написаны в заключении как объяснения и оправдания, часто между пытками, которым он подвергался много лет. Оба были простого происхождения; возможно даже, что великий калабриец — сын неграмотного сапожника — по рождению ниже московского стрельца Офоньки; оба они, однако, оказывались при дворах государей. И Кампанелла, и Науменок были допущены в высокие сферы для занятий магией, для волхвования. Магическая наука Кампанеллы восходила к учению Марсилио Фиччино [Walker] и опиралась на натурфилософское учение о взаимном сочувствии всех составов человека со всеми элементами природы и космоса, но вместе с тем он имел в виду и опыты традиционной калабрийской народной магии. Современный исследователь Дж. Бранкаччо, изучающий историю восстания 1599 г. и идеи Кампанеллы, считает, что на него вообще оказали значительное влияние калабрийская народная религиозность и народные суеверия³. Кампанелла магическими средствами старался оградить высоких особ от опасностей, которыми грозили затмения и неблагоприятные сочетания планет, использовал при этом травы, камни... Вряд ли ренессансная магическая астрология входила в поле зрения Офоньки, но народный компонент был общим. Коллекцию корней, лечебных трав, таинственных камней, раковин нашли у стрелецкой жены Катеринки, попавшей под розыск по наговору Офоньки. В коробе на ее дворе, где хранилась эта коллекция, обнаружили также и тексты, известия из Неаполя, в том числе рассказ о калабрийском пророке и его намерении создать новое общество.

Кампанелла и Науменок были причастны к каким-то большим планам. Оба обвинялись в государственных преступлениях, в покушении на жизнь властвующих особ. Кампанелла — организатор заговора-восстания в Калабрии в 1599 г. — объяснял судьям свою идею нового гармонического обще-

² Списки текстов Кампанеллы, библиографические описания изданий, описания рукописей, а также большое собрание оцифрованных текстов см. на сайте: Archivio Tommaso Campanella // Archivio dei filosofi del Rinascimento. URL: https://www.iliesi.cnrit/ATC/index_campanella.php (дата обращения: 10.07.2022).

³ Двоюродная сестра Томмазо была знахаркой, колдуньей, лечила людей и животных и предсказывала будущее [Firro, цит. по: Brancaccio, p. 11, 25].

ства и оправдывался с помощью философских, политических, социальных трактатов, в том числе трактата «Город Солнца», но всё это было в стороне от потребностей следствия. Офонька, обвиненный в намерении «испортить» царицу Евдокию Лукьяновну, признавался во многом, в том числе и в сношениях с дьяволом, но не прояснил для следствия вопрос о покушении на жизнь царицы. В том и другом случае высокие сановники, которые вели долгие розыски, подвергали подследственных длительным и ужасным пыткам. Кампанелла пробовал облегчить свою участь имитацией безумия. Или он действительно иногда терял разум? В обоих случаях розыск имел сходное развитие: дело шло к казни самой жестокой, но угроза отодвигалась, сходила на нет, намерения обвиняемых оставались непонятными и пугали...

И московский стрелец Науменок, и калабрийский философ принадлежали одной хаотической, жестокой, кровавой эпохе — времени Смуты, Тридцатилетней войны.

Итальянский историк Розарио Виллари предложил определить это время как эпоху барокко — определение довольно условное, скорее оперативное, нужное, чтобы выделить ряд черт, характеризующих в целом ментальность, институции, идеологии, социальные структуры определенного периода, не теряя при этом из виду значительный опыт, накопленный при изучении барокко как стиля искусства и литературы⁴.

Эпоха конца XVI — второй половины XVII в. характеризуется, с точки зрения Виллари, конфликтностью, странностью и новизной, оцениваемой не как позитивная, а вызывающей тревогу; этот период в Европе отмечен напряжением, нестабильностью, беспорядком, сильным ощущением опасности. Как реакция на это рождаются консервативные течения.

Век сам себя ощущает как железный, облик его — жестокость и безобразии пыток, растерзанные трупы казненных по краям дорог. Не прекращаются войны; заговоры, бунты, восстания, революции вспыхивают повсюду, всеми оцениваются как бедствия, не ведут к позитивным изменениям. Виллари отмечает хаотическую перемешанность социальных сил и интересов в бунтах и прочих движениях и противоречивость социально-политических установок: самое свирепое восстание, жестоко подавляемое властями, может провозглашать верность монархии и демонстрирует преданность монархическому мифу [Villari 1998, p. XII].

⁴ Сборник «Человек барокко» 1991 г. цитируем по переизданию: [Villari 1998]. Здесь используем разделы сборника, написанные самим Р. Виллари: *Introduzione* (p. VII–XV); *Il ribelle* (p. 107–137).

Наблюдения Виллари и собранного им коллектива авторов над эпохой барокко и человеком барокко имели своей исторической основой его же исследования антииспанского движения в Неаполитанском королевстве [Villari 1980]. Важное из начальных событий — заговор калабрийцев 1599 г. (главой его был признан молодой Кампанелла); кульминации — восстание населения в Неаполе против налогов и пошлин, введенных испанским вице-королем, в июле 1647 г. (его вождем считался рыбак Мазаньелло), и восстание в Мессине в 1674–1678 гг.

Для русских земель период, сопоставимый хронологически и по существу, начинается Смутой, проходит восстаниями и бунтами через весь век, включая такие важные и протяженные события, как борьба стрельцов и посадских людей Пскова в 1650 г. против налогов и пошлин, против Москвы и шведов, как консервативный протест сторонников старой веры, как война Степана Разина, и завершается к концу века стрелецкими восстаниями⁵.

В русских исследованиях к пониманию единства XVII века и человека XVII века в сходном ключе ближе всех подошел А. М. Панченко, он употреблял понятия «дух эпохи», «эпоха барокко» и «люди барокко», хотя предпочитал для России определение «бунташный век» [Панченко А. М. 1977]. Господствующими началами оказываются динамизм, противоречие, хаос. Культурные доминанты находятся во взаимном противостоянии. Панченко использовал выражение Декарта «соударение тел», чтобы описать общий принцип эпохи: мир осознается как «соударение» людей, находящихся в хаотическом движении. «Все группировки русской интеллигенции так или иначе (...) „соударяются“ с европейским барокко» [Панченко А. М. 1977, с. 101]. Научная и личная склонность А. М. Панченко к бунтовскому, «вне-системному» на фоне системы, «неизящному» на фоне стройного и культурного определяла его исследовательскую оптику. Он наблюдал, как сталкивались с культурными традициями и преломляли их дикие, демократические, бунтовские элементы. Он открывал поэтов в протопопе Аввакуме, в приказных, в справщике Савватии и стрельце-самозванце Тимофее Акиндинове. С большим удовольствием приводит он сердитую приписку неизвестного культурного читателя к стихам одного из своих героев — Евстратия: «Co widzisz, to brydzisz, moskalu, grubianine, chłopie, prostaku» [Панченко А. М. 1973, с. 30]⁶. А. М. Панченко находил освобождающую энергию в дурачестве и «бешенстве» юродствующих, в обценном «глумстве» скоморохов,

⁵ О стрелецком войске, об участии стрельцов в восстаниях, бунтах, движениях XVII века, а также и в подавлении их — глава 4 в книге: [Чернов, с. 106–132]. Новая работа о структуре стрелецкого войска и о восстаниях конца века: [Романов].

⁶ Рукопись с этой припиской была обнаружена О. А. Белобровой.

в грубом неуклюжем стиле Петра Первого, в объявлении им войны «словесному этикету», и не только словесному, разумеется [Панченко А. М. 2000, с. 337–354 (Юродивые на Руси), с. 355–368 (Скоморохи и «реформа веселья» Петра I)].

Итак, мы начнем рассмотрение некоторых документов московского следственного дела 1642–1643 гг., что позволит нам потом вернуться к фигуре Томмазо Кампанеллы: Дело по извету иноземца Д. Рябицкого на О. Науменка в том, что он умышлял портить и уморить царицу Евдокию Лукьяновну, 18 марта 1642 г. — 20 мая 1643 г.⁷ Стрелец Офонька Науменок обвинялся в намерении «испортить» царицу ворожбой, в связях с темными силами. Положение стрельца по тем временам не соотносилось четко с определенным социальным статусом и культурным уровнем, возможности были довольно широкими. В деле поначалу считалось, что Науменок — золотых и серебряных дел мастер и делал для царицы золотую цепь, но он отговорился незнанием ремесла. Сам он представлялся во время розыска человеком незначительным, потеряннным, слабого здоровья и без всяких специальных знаний и способностей, из стрельцов вышел по болезни — черной немочи, поляка Рябицкого встретил в тюрьме, попав туда, как он говорил, по делу о табаке. Из тюрьмы был взят в дом к Стрешневу, царицыному двоюродному брату, дав ему за себя кабалу.

В деле трудно выявить разумное содержание, найти следы политической интриги. Покушаться на жизнь царицы Евдокии Лукьяновны в начале 1640-х гг. — намерение довольно бессмысленное. Эта цель, будь она достигнута, не могла иметь серьезных политических последствий. Плодовитая Евдокия к тому времени уже перестала рожать, жизни царя и царицы склонялись к закату — оба умерли в 1645 г., оставив царство шестнадцатилетнему сыну Алексею Михайловичу. С практической стороны идея о существовании заговора Офоньки на жизнь царицы могла питаться фактом пребывания его в доме Стрешнева, родственника царицы, из этого вытекала возможность доступа в ее покои. Может быть, к делу как-то примешивалась придворная вражда к царицыным родственникам Стрешневым, достигшим непомерного могущества. Но если цели повредить им и ставились, они провалились на первом же этапе следствия.

⁷ Дело, хранящееся ныне в РГАДА, было дважды опубликовано. Первый раз — в XIX в., с кратким предисловием, анализирующим дело [Зерцалов]. В относительно недавнее время этот материал был оценен как интересный памятник русского языка XVII в., и была осуществлена его научная публикация, но без комментария [Московская деловая и бытовая письменность, с. 254–276]. В. М. Живов рассмотрел использование форм инфинитива в «деле» [Живов, с. 810–811].

Формулировка дела — о намерении «испортить» царицу с помощью кореньев — в то время могла быть использована как абстрактная, подразумевающая некий неопределенный заговор против существующего порядка. В «Новом летописце», незадолго до того завершеном [Солодкин] и содержащем апологию рода Романовых, был помещен рассказ о клевете на Федора Никитича Романова с братьями, якобы инспирированной Борисом Годуновым и повлекшей за собой большие несчастья для всех братьев. Рассказ построен на двойном употреблении слова «корень» — царский корень и коренья, которыми хотят извести царский корень. В разделе «О Федоре Никитиче с братьею» рассказано, как царь Борис, изведя царский корень — убив царевича Дмитрия, захотел царских последних родственников (Романовых) извести: «...хотя и достальной корень царьской известь». «Раб» Александра Никитича — казначей его Бартенев — вместе с Семеном Годуновым подложил в казну Александра Никитича «мешки с кореньем» и пошел доносить на своего государя. Федора Никитича с братьями отдали приставам и заковали, и с людьми их и другими родственниками, пытали долго, потом разослали по городам и монастырям и многих там удавили [Новый летописец, с. 52–53].

Не можем знать, обобщали ли подобным образом идею «корня» бояре, которым было поручено дело Науменка; на поверхностный взгляд расследование занималось вопросами о происхождении и перемещениях кореньев, трав.

Протоколы розыска весьма обширны, но из них трудно извлечь исторические сведения. Офонька, подвергавшийся в течение многих месяцев жесточайшим пыткам, то возводил на себя обвинения: отречение от Христа, сношение с бесами Народилом и Сатанаилом и иными⁸, наведение порчи на людей, главное — намерение отравить царицу, — то отказывался от них, называл сообщников, потом отказывался от сказанного. При пытках столь ужасных и продолжительных правде и фактам не могло найтись места. Офонька то показывал, что всех и себя оговорил под пытками, «чтобы его скорее велел государь казнить» (с. 269), или, наоборот, объяснял свои показания тем, что боялся смерти (с. 269), то жаловался, что испортился и озяб, и просил отложить пытки. За восемь месяцев, по подсчетам издателя дела Зерцалова, Науменок получил 137 ударов кнутом и был «сожжен» огнем три раза.

⁸ Дело по извету иноземца Д. Рябицкого на О. Науменка... [Московская деловая и бытовая письменность, с. 257]. Далее номера страниц по этому изданию указываются в тексте в круглых скобках.

Делом руководил царь, и вели его высшие люди государства: царь сперва поручил следствие князю и боярину Ивану Борисовичу Черкасскому, но тот оказался болен (он умер в апреле 1642 г.), и дело перешло в ведение князя и боярина Бориса Александровича Репнина и дьяка Гаврилы Левонтьева⁹ (с. 254–255). Участвовали и другие высокие лица. Хозяин Офоньки — Иван Федорович Стрешнев, двоюродный брат царицы, — был допрошен о положении Науменка в его доме, но сам под розыск не попал¹⁰, хотя Офонька на него и показывал. Позиции Стрешневых были так сильны, что с марта царь приказал ведать дело и Репнину по-прежнему, но еще и окольниковому Василию Ивановичу Стрешневу (с. 262)¹¹.

Науменок вообще на ранней стадии допросов говорил, что указание уморить царицу хоть и дошло к нему через третьих лиц, но изначально исходило «с Верху добрых людей», однако тема вовлеченности важных лиц не получила развития в расспросных листах. Представители верхов исключались — во всяком случае, на уровне письменного делопроизводства, зато допрашивались их дворовые люди. В деле фигурировали, например, два дома Карповых: окольниковиче Лев Иванович Долматов-Карпов и Федор Борисович Долматов-Карпов должны были лишь называть своих людей — дворовых и крестьян, и великое множество их допрашивались как разным образом причастные к делу, но о самих хозяевах нет речи¹² (с. 267).

Приговор выносили люди могущественные: боярин князь Дмитрий Матрюкович Черкасский, двое бояр Шереметьевых, Б. А. Репнин, окольниковиче — князь Масальский, Федор Васильевич Волынский, Василий Иванович Стрешнев и другие. За намерение «испортить» царицу было решено Офоньке Науменку «обсечь» руки и ноги и потом сжечь, по возможности еще живым (с. 275–276). Царь же своим указом повелел отправить его в Сибирь, в Красноярск, на Тару, и держать там в тюрьме, ни по пути, ни на месте никого к нему не допускать и «говорити с ним не о чом давати не влети», и следить, чтобы он над собой ничего дурного не учинил, держать его

⁹ Боярин князь Иван Борисович Черкасский, двоюродный брат царя и крупнейший государственный деятель того царствования, фактический глава правительства, в те годы ведал военным Иноземским приказом. Борис Александрович Репнин, тоже крупный деятель, приближенный к царю, ведал Приказом золотого дела [Богоявленский, с. 70–71]. О Репнине и вообще о высшем «чиновном» боярстве этого периода см.: [Соловьев, с. 248–251].

¹⁰ Федор Степанович Стрешнев — отец Ивана и дядя царицы Евдокии — в то время ведал Приказом царицыной мастерской палаты [Богоявленский, с. 198].

¹¹ Должности всех Стрешневых см.: [Богоявленский, с. 290].

¹² Долматовы-Карповы и сами по себе были важными лицами в государстве, но к тому же, возможно, они находились в родстве с Дмитрием Герасимовичем Карповым, ведавшим в то самое время Сыскным приказом [Богоявленский, с. 246–247].

в большом бережении до государева указа (с. 276). Царь Михаил Федорович, очевидно, не был удовлетворен розыском и надеялся продолжить выяснение дела, но сам умер два года спустя.

Итак, подозревались ворожба, еретичество, заговор против властей. В центре оказался отставной стрелец Офонька — Афанасий Науменок.

Царь после первых расспросов указал «Офоньку Науменка пытаться, по какому он умышлению про государыню царицу и великую княгиню Евдокею Лукьяновну непригожее слово говорил. И не знает ли он какова ведовства и воровских заговоров». Далее добавлено и еретичество: «не знает ли он какова ведовства и еретичества» (с. 256). Обсуждались в основном ведовство, происхождение знаний, трав и кореньев и прочего, фигурировала «книга, которою призывают бесов» (с. 257). Речь заходила и о некоем корне, которого домогались «в Верху»: в корне худого нет, кто его получит — того люди будут любить (с. 260). Тема ведовства стала инструментом расследования, с ее помощью определялась среда, с которой хотели соотнести предполагаемый заговор. В дело постепенно было вовлечено множество людей: стрельцов, пушкарей, стрелецких и пушкарских жен, казаков, попов, иноземцев, горожан-ремесленников, крестьян, гулящих людей. Опрошены были чуть ли не все московские пушкари. Многие допрошенные или упомянутые были немосковские люди, из разных сторон; контакты между стрельцами, казаками были широкие, и они довольно активно перемещались по России. Военные и бунтовские опыты недавнего прошлого еще сохранялись в памяти, вернее сказать, беспокойное Смутное время оказывается не завершившимся, тянется, чтобы перейти в восстания рубежа 1640—1650-х гг. Офонька подговаривал стрельцов, которые караулили его, отпустить его на Дон и предлагал им бежать с ним вместе, обещая им на Дону атаманство, а иным — есаульство (с. 274).

В деле фигурирует как место беспокойное и поставляющее людей сомнительных Путивль, еще недавно бунтовской центр (с ним связаны восстание Болотникова и продвижение Лжедмитрия). От путивльских людей, согласно делу, шли магические знания (путивльский казак Васька учил знаться с бесами (с. 274)). В Путивле в прошлом (вероятно, во время войны с поляками) служили и сам Офонька, и его друг Гришка Казанец, который там хвастал, что пуля его не берет (с. 269—270). По другой версии Казанца, он в Путивле хотел защититься от пули с помощью «Сна Богородицы», но пуля его все равно взяла, «Сон» оказался бесполезен (с. 273).

Стрелец и сапожный мастер Григорий Казанец и его жена Катерина — важные персонажи дела. Возможно, они и в социальном, и в культурном

отношении были людьми не простыми. О Григории упомянуто, что он сын попа Софийской церкви. Офонька заявил после очередной серии пыток, что Гришка занимался наведением порчи, что корень для порчи царицы был им получен от Гришки, указал, где именно хранились корни в его дворе. Во время обыска там было обнаружено очень большое собрание корней, трав, камней (таких как громовая стрела и чертов палец), костей, раковин и некоторые тексты, представляющие здесь для нас особый интерес. Последовали допросы Гришки и его жены. Они проявили во время следствия исключительную собранность, присутствие духа и чуда изворотливости. Первоначальное обвинение, предполагавшее пытки с последующей казнью, было ими отведено. Впрочем, нельзя исключить и какого-то высокого покровительства. Напрашивающиеся обвинения в ведовстве Григорий и Катерина отвели, объяснив происхождение каждого объекта — случайное, принесенное издалека, полученное от неизвестного; цель хранения — для личных лечебных конкретных нужд или просто так. Катерина проявила премудрость и медицинские познания, объясняя значение и происхождение множества объектов, включенных в роспись по обыску: «Трава божья, а скуривают де тою травою квашню, а привез муж ее Гришка тое траву с Волуики. 2 раковины сказала Катеринка привез муж ее Гришка из Асторохани. 3 щипка цвету сказала, привез муж ее ис Путивля. 2 раковины пияфочных сказала привез муж ее от города. Трава кореня сказала привез муж ее от города, а едят от сердешные болезни. Камен сказала привез муж ее от города а сказал громовая стрела. Семя сказала горчица. 2 раковины Катерина сказала привез муж ее от города. Трава сказала конская а привез к ней мужик поморец а имени ему не ведает. Сенной скип сказала привез муж ее с Волуики а дают пить от поносу и у ково выйдет задней проход. Трава божья сказала привез муж ее из Асторохани для духу. Семя сказала из шипов что привез муж ее из Путивля...» и т. д. (с. 270–271).

Гришка и Катеринка отводили подозрения настолько подробно и убедительно, что даже современный историк верит, будто ими руководили любовь к диковинам и чистое любопытство и что ниже рассматриваемое письмо из Неаполя было для них очередной диковиной¹³.

¹³ «„Естественноисторическая“ коллекция московского стрельца и его супруги выдает в них „людей Нового времени“ — интересующихся всем необычным, выходящим за рамки повседневного быта, склонных к собиранию редкостей, которые не приносили никакой практической пользы. Вестовое письмо с известием о пророке из Разрядного приказа стало для них очередной диковиной» [Шамин 2020а, с. 429–230; 2020b, с. 82]. Таким образом, уважаемый коллега демонстрирует доверие к расспросным речам как историческому источнику.

В деле помещаются особые документы, тексты, найденные во время обыска в доме Гришки Казанца и Катеринки: «вынято с тем же корнем письмо» (с. 271), — рассказ о Римском цесаре, письмо из Неаполя с рассказом о восстании в Калабрии и следующий за ним в деле текст — «Сон Пресвятой Богородицы»¹⁴. По ходу допросов делались попытки прояснить происхождение этих документов, так что о них есть там и некоторые дополнительные сведения, впрочем не обязательно достоверные, учитывая специфику пыточных речей или близких к ним по степени достоверности показаний, сделанных под угрозой пыток.

⟨Рассказ о Римском цесаре⟩

«Дума розная есть как римской цысарь в праздник с бояры и з думными со многими людми и над ним носят покров над головою четыре человека и тогда как он ходил над ним вверху показывался орел и как цысарь пришел на свой двор и тот покров с него сняли и тот орел сверху упал на землю мертв всяких чинов многие люди видели и они в сумнение, что от того проявления будет».

⟨Рассказ о калабрийском пророке⟩

«Из города из Наполи пишет, что в великой Калабрее новой пророк являлся и сказывался что Мисеев сын а по руски Христов сын Калабрейская земля ему дались все и пошел на великие горы со многими тысящами и с полным воинским оружием и о том де стала в Калабрийском королевстве великая страсть».

⟨Следует сразу за рассказом о калабрийском пророке⟩

«Галанской немчин Вилим Фандоблок сказал: объявился де в Калабрейской земли пророк новой а сказался что он будто с небес сын Христов, я де миротворец землю де вашу всею обороню и иные страны и земли поемлю и простые де люди ему преклоняютца и он де им говорит что он их ото всего избавит и станете де на сем свете царствовати и жить беспошлинно и без дани и ни от кого де вам обиды не будет а та де Калабрейская земля на границе меж шпанской и турской земли» (с. 271).

¹⁴ «Сон Пресвятой Богородицы» в версии из дела Науменка — наиболее раннее письменное свидетельство существования этого произведения в русской традиции. «Сон Богородицы» происходит из Италии, где засвидетельствован в рукописях XIV–XV вв. и имеет сложную историю распространения [Плюханова 2021a; 2021b]. Текст из дела Науменка требует особенного внимания, анализу его посвятим отдельную работу.

Рассказы о Римском цесаре и о калабрийском пророке не раз оставали на себе внимание исследователей, занимающихся «Вестями-Курантами», вопросами перенесения и распространения в России XVII в. иностранных известий. В предисловии к первому тому издания «Вестей-Курантов» эти документы отмечены как специфический случай обнаружения листов с вестями в среде «простых людей», при том что подобные вести обычно «предназначались для сравнительно узкого круга лиц — приближенных царя» [Вести-Куранты. 1600—1639, с. 9]. Авторы предисловия к «Вестям-Курантам» позволяют нам таким образом отнестись со вниманием к текстам, хранившимся у стрелецкой жены Катерины как особым по характеру распространения.

Гришка Дмитриев сын Казанец в своей версии происхождения документов уверял, что они попали к нему как случайный обрывок бумаги: «А што де у него вынято письмо а написано в нем появился **месия** (выделено нами. — М. П.), то де письмо дал ему розрядной подячей Федор Семенов с ыным письмом на заряды и он де Гришка прочети то письмо подивился» (с. 273).

Семенов подтвердил, что дал ему то письмо «в драной бумаге а писаны де те вести в отписке из Пскова, а та де отписка в Разряде и ныне есть» (с. 273). Версия передачи драной бумаги плохо согласуется с содержанием письма — о появлении месии, в важности которого и Семенов, и Казанец отдают себе отчет. Если в тексте письма пророк назван «**Мисеев сын** а по руски **Христов сын**», то сам Гришка прямо называет его **месия**.

Катерина была осторожнее: «А против писма стрелецкая Гришкина жена Катеринка сказала ходил де муж ее к соловецким чудотворцом молитца и сшелся де на дороге неведомо с каким человеком и тот де человек то письмо дал мужу ее а велел на Москве отдат а кому отдат того она не ведает и муж де ее то письмо покинул у себя в коробке» (с. 271).

Документы из сундука Катерины имеют много общего с вестовыми письмами. Сама форма «Из города из Наполи пишет», объем известия — обычны для вестовых писем того времени; а странная для русских вестей форма названия города — Наполи — близка к итальянскому написанию. В числе вестей можно встретить похожие подробности о цесаре, например: «Перевод вестового письма о событиях в Риме и др. присланного из Стокгольма М. Бекманом. 1630—1631» [Вести-Куранты. 1600—1639, с. 219 и далее]:

«А на Троицен день цисарь своими детьми поехал к доминиканову чину обложити церков, и тут цисарь сам на оклад первой камень положил своею

рукою, и божию службу отслушал и опять к себе на двор поехал» [Вести-Куранты. 1600–1639, с. 223].

Появляются и описания знамений¹⁵, например, из вестового печатного листа, присланного из Стокгольма М. Бекманом в 1631 г., — «Вести из города Брунзвика» — знамение над городом в связи со столкновением цесарского воеводы Тилля с войском швейского короля: 11 июля радуга, а на ней белый крест с мечом, а 12 июля «подле городской церкви с неба упало огненное ядро с огненным хвостом а куды то девалось того неведомо прошло субботи королевское величество швейское на Тилевы таборы ударился и его погнало что он от неволи в город Магденбурх ушел да к королю же швейскому шесть региментов новых людей пришло и чаети что вскоре нечто новое учинитца а меж Тиллевыми людьми такой великой страх что они не ведают куды детьца» [Вести-Куранты. 1600–1639, с. 225].

Вести-Куранты здесь описывают события Тридцатилетней войны: речь идет о летних сражениях незадолго до решающей победы шведов над имперскими войсками. Небесные знамения предвещают несчастье, которое вот-вот наступит: вскоре, 17 сентября 1631 г., граф фон Тилли, фельдмаршал цесаря Густава II Адольфа, императора Священной Римской империи, потерпит поражение от войск короля Швеции у Брейтенфельда.

Достаточно часто появляются вести из Италии, касающиеся Неаполитанского королевства, например:

«Вести из Риму июля 5 де.

В неделю князь Сулмона от короля шпанского папе римскому перед церквью Святого Петра переводных грамоток на две тысячи золотых дал за то что ему доведетца погодной дани имати с королевства Неополитанского» [Вести-Куранты. 1600–1639, с. 136].

Тексты из собрания Катерины при всем сходстве с известиями вестовых писем обладают рядом специфических черт: они изолированы, выведены из исторического контекста. Предсказания и знамения в вестовых письмах обычно встроены в ряд исторических событий и имеют статус таковых. Здесь же, в текстах из сундука Катерины, эти известия приобретают характер тревожный и стимулирующий.

Крупнейший специалист по «Вестям-Курантам» и истории проникновения в Россию иностранных известий Д. К. Уо в устном обсуждении доклада, предшествовавшего нашей статье, счел возможным ассоциировать рассказ о калабрийском пророке со сказанием о двух старцах, известным в XVII в.;

¹⁵ См. о знамениях в иностранных известиях: [Шамин 2020b, с. 55–79 (Гл. 2. Небесные знаки)].

изучение его начал А. И. Соболевский, описавший четыре списка, и продолжил С. М. Шамин, добавивший ряд других версий, проникавших в Россию в разное время¹⁶. Известие, короткое, условно называемое сказанием о двух старцах, в основном распространявшееся во второй половине XVII в., но в ранней версии проникшее в Россию в 1620-е гг., имеет эсхатологический характер. Это элементарный, свернутый вариант эсхатологического сюжета, существующий на фоне обширной развитой эсхатологической словесности XVII в. Сообщается о появлении двух пророков-старцев, чаще в Палермо, но может быть указание на Неаполь, Мальту и пр.; старцы необычного, странного, святого поведения предсказывают наступление последних бедствий. Известие иногда расширяется, добавляя некоторые детали в описание судьбы старцев или в эсхатологическую картину, но главный интерес его не в подробностях, а в указании даты конца света, варьирующейся от одной версии к другой, но всегда представляющейся близкой. С интересующим нас здесь рассказом о калабрийском пророке легенду о старцах сближают пророческая модальность, упоминание Италии и эсхатологическая направленность. Не исключено, что ранняя версия легенды о двух старцах, пришедшая в Россию в 1620-е гг., как-то связана с эсхатологической ситуацией в Неаполитанском королевстве, с ранними пророчествами Кампанеллы о конце света, о близости которого он заключал на основании явления звезды в Кассиопее и по другим знаменьям, хотя Кампанелла не называл год конца света и не интересовался этим. Традиция пророчеств о близком конце с указанием года восходит к Иоахиму Флорскому и интенсифицируется в эпоху контрреформации; в России XVII в. она постоянно воспроизводится, на что указывает среди прочего сам факт всё новых поступлений сказания о двух старцах в обновленных версиях.

Речь в калабрийской истории идет о восстании народа, возглавляемого сыном мессии или мессией, а не о конце света, как в сказании о двух старцах.

В Письме из Неаполя сведения о появлении пророка и калабрийских событиях предстают почти как исторические, но в рассказе голландского «немчина» Вилима Фандоблока миссия пророка расширяется, обнимая все земли, время становится эсхатологическим¹⁷. Реплика Фандоблока передает сведения о калабрийском восстании, которыми, судя по тексту, он лично располагал, во всяком случае, он ссылается на самого руководителя восстания:

¹⁶ [Соболевский, с. 239–240; Шамин 2020b, с. 90–130 (Гл. 4. Сказание о двух старцах)].

¹⁷ Из дела Науменка не ясно, как соотносились формально письмо из Неаполя и версия голландского «немчина». С. М. Шамин считает, что Фандоблок был вызван и допрошен и его версия — это дополняющие показания в деле, что он просто уточняет известия из какого-то летучего листка.

«Галанский немчин Вилим Фандоблок сказал: объявился де в Калабрийской земле пророк...» Рассказ Фандоблока яснее артикулирован, чем предыдущая версия, определеннее обозначены претензии пророка: «объявился что он, будто с небес сын Христов»; цитируются основные положения программы: «я де миротворец», «землю вашу обороню», пророк намеревается овладеть и другими землями; центральное конкретное обещание — отменить пошлины и дани; в целом — защитить от обид и избавить «от всего»: «Простые де люди ему преклоняются и он де им говорит, что он их ото всего избавит, и станете де на сем свете царствовать».

С помощью Вилима Фандоблока известие о заговоре в Калабрии — «великой страсти» — превращается в легенду об избавителе — знаменитый жанр «бунташного» или «барочного» века, такими легендами вдохновлялись и питались движения и бунты.

К. В. Чистов, автор классического исследования русской избавительской легенды [Чистов 1967], описывает период Смуты и последующий как время, когда легенды об избавителе жили и действовали, проявляясь и в отсутствие реального кандидата на эту роль. К. В. Чистов, говоря об особом статусе избавительской легенды в культуре, ссылаясь на слова А. Н. Веселовского, что в этом случае мы имеем дело не только «с народно-поэтическим, но и народно-политическим верованием» [Чистов 1986, с. 215]. В работе «Легенда об избавителе и проблема повторяемости фольклорных сюжетов» К. В. Чистов представил обзор актуальных к тому времени западных исследований европейской легенды об избавителе. Из обзора видно, что более привычному для русской традиции определению «избавительская легенда» соответствует западное понятие милленаристской легенды. Русская исследовательская традиция, начатая А. Н. Веселовским, помещает в центр внимания как базовый текст «Откровение Мефодия Патарского» с его легендой о возвращающемся императоре. Западные исследования больше концентрируются на протяженной во времени традиции милленаристских учений, восходящих к Иоахиму Флорскому.

Уже после обзора, сделанного К. В. Чистовым, появилось фундаментальное, теоретического плана исследование Б. Топфера, систематизирующее избавительские легенды [Törfer]. Топфер выделяет два типа эсхатологических учений. Один — консервативное, опирающееся на пророчества типа «Откровения Мефодия Патарского» учение об обстоятельствах завершения мировой истории, о последнем императоре. Второй тип — определим его как революционный — предусматривает преобразование, радикальные изменения общества, очищение Церкви, власти как необходимые при приближении последних времен. Здесь Топфер использует понятие «милленаризм»,

то есть учение о временном преодолении змия-дьявола и утверждении тысячелетнего царства Христова, царства святых в период перед Страшным судом, развивающее пророчество Апокалипсиса в главе XX. Милленаристские движения не обязательно масштабны, преобразованная жизнь может быть достоянием общины, монашеского ордена; небольшая группа, секта может выбрать особый путь преображения веры и жизни ввиду близкого конца света, наступления антихриста. Подобные учения, и особенно действия, направленные на их реализацию, вызывали, как правило, неприятие со стороны ученых-клириков, приверженных доктрине Блаженного Августина, согласно которой тысячелетнее царство, провозвещенное Апокалипсисом, началось Христом, выражает себя в Церкви и длится вместе с ней [Töpfer, p. 92–93].

Голландский «немчин» предложил версию калабрийской истории не в качестве более привычной для русской традиции избавительской легенды о последнем царе, который вступает в битву с темными силами и возвращает власть Богу, а в милленаристском, скорее западном, понимании: является пророк, сын Христа, ведущий людей к всеобщему царству мира и справедливости.

Братья Виллим и Альберт фан до Блок — торговые люди, известные издателям «Вестей-Курантов» в качестве участников в передаче иностранных известий¹⁸. Братья действовали в 1640-е гг. между Псковом и прибалтийскими городами. Предположительно, они были в родстве с семьей van den Block или van den Blooske. Ван ден Блоки были меннонитами и, спасаясь от религиозных гонений, к концу XVI в. переместились из Голландии в прибалтийский регион. Глава семьи Willem van den Block был скульптором и архитектором, работал в Польше и Кенигсберге¹⁹. Он и двое его сыновей умерли в 1627 г. Прибалтийские коммерсанты Виллим и Альберт могли быть его родственниками и, вероятно, оставались меннонитами. Меннониты — движение, начавшееся в Голландии во второй половине XVI в., связанное с анабаптистами, милленаристского характера; особенность его — радикальный пацифизм, отказ от применения оружия. В Польше они строили идеальный мир в своей замкнутой среде, к рассматриваемому периоду времени они пе-

¹⁸ «Альберт фан до Блок, немчин из Риги, в Псков к нему везет два немецких вестовых листа от рижского немчина его наемный мальй Митька Григорьев». В 1645 г. Вилима фан до Блока упоминает как хозяина корреспондент фон Стаден, передавая А. Л. Ордину-Нащокину известия голландского печатного листа [Вести-Куранты. 1645–1646, 1648, с. 5, 115]. В источниках написание фамилии неустойчиво: Фандоблок, фан до Блок, фан да Блок и другие варианты. Не было единого написания и в западных источниках того времени.

¹⁹ О нем см. диссертацию: [Skibiński].

рестали быть радикальной группой, распространились в Прибалтике, растворяясь в местном населении, и часто посвящали себя коммерции²⁰.

Признак принадлежности к меннонитам есть в рассказе Вилима Фандо-блока-младшего о калабрийском пророке. В этой версии пророку приписана цель миротворства, что противоречит самому известию о калабрийском вооруженном восстании, но совершенно соответствует учению меннонитов, миротворцев, не бравших в руки оружия.

Связь с фан да Блоками прослеживается у круга лиц, причастных к составлению псковского сборника 1640-х гг., называемого по месту хранения Копенгагенским. А. Г. Бобров, исследовавший и описавший сборник, считает его основным составителем и переписчиком стрельца Демитьку Воинова, которого он идентифицирует со стрельцом Демидкой Воиновым, входившим в число руководителей Псковского восстания 1650 г. В результате этого отождествления исследователь считает возможным видеть в сборнике «отражение круга чтения и интересов одного из руководителей Псковского восстания 1650 г. как раз накануне его начала» [Бобров, с. 473]²¹. Сборник, помимо ряда древнерусских текстов, содержит некоторые иностранные известия и описания знаменей. Иностранные вести имеют то сходство с материалами, попавшими к Катеринке, что им не обнаруживается соответствия в документации «Вестей-Курантов»: это в обоих случаях информация из европейских стран, особым образом направленная²². Знамена, представленные в Копенгагенском сборнике, так же как и в материалах Катеринки, носят открытый характер — это знаки чего-то, чему предстоит случиться: великое знамение на солнце, оно переменялось красным и черным, от солнца падали кровавые ядра. «А что будет, то Бог весть» [Бобров, с. 470].

Подобно этому, в материалах Катеринки есть текст — описание знамени, которое тревожит, повергает в задумчивость, но не внесено ни в какой исторический контекст, открыто к актуальному будущему: «Дума разная есть...» Появление в одном сюжете Римского цесаря и орла не может не быть символичным. Орел летит сверху, цесарь покрыт покровом, защищен. «И как цысарь пришел на свой двор, тот покров с него сняли и орел упал на землю мертв. Всяких чинов люди видели и они в сумненье, что от того проявления будет».

²⁰ О меннонитах см. новый обзор: [Горбенко].

²¹ Об этих же известиях, опираясь на работу А. Г. Боброва, пишет С. М. Шамин, включая их в последовательность иностранных известий о небесных знаках, попавших в Россию XVII в. [Шамин 2020b, с. 56–57].

²² А. Г. Бобров высказывает предположение, что в иностранных известиях Копенгагенского сборника можно подозревать попытку иностранного влияния на ситуацию в Пскове.

Опираясь на «Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 году», можем прояснить значение этого знамения. При основании Царьграда цесарь с вельможами видят орла и змия. Орел находится в небе, из норы выползает змий, орел слетает вниз, змий оплетается вокруг него, орел вновь взлетает, исчезает «из очию на долг час, и паки явися низлетающъ и паде со змием». Погибают и змий, и орел. Книжники и мудрецы, призванные цесарем, толкуют знамение как предвещание, что христианство — орел одолеет бесерманство — змея, но цесарь смущен: «о сем возмутися зело» [Повесть о взятии Царьграда, с. 28]. В Повести знамение помещено в начале, а далее следует история гибели императорской столицы и последнего императора. Орел — символ имперской христианской власти, падение его с неба и гибель — плохое предзнаменование для империи.

Таким образом, перед нами два документа: один — о колебании имперской власти: знаки падения власти цесаря; другой, милленаристский, — о восстании народа, ведомого новым мессией-избавителем с целью создания универсального царства справедливости, мира. В совокупности эти документы передают атмосферу беспокойства, свойственного эпохе, но вряд ли собственно московскую, русскую, во всяком случае, хоть и перенесенную в Московскую землю, но еще не ставшую здесь своей. Замешанность в этом деле голландцев — в лице Вилима Фандоблока — очевидна. Примем во внимание и широкую вовлеченность в дело Науменка пушкарей. Отец Гришки Казанца — поп Софийской церкви при Пушечном дворе. Голландцы в тот период присутствовали в России по делам металлургических заводов, производства пушек, вместе с тем занимались дипломатическими делами, преимущественно голландцы переносили вестовые письма, иностранные известия. Фандоблоки, корреспонденты «Вестей-Курантов», имели отношение к Петру Марселису, дипломату между Данией и Россией, политическому деятелю, промышленнику. Марселисы — голландско-немецкая семья — занимались в России металлургическими заводами, сотрудничали с Андреем Д. Виниусом²³. Таким образом, грамотные московские стрельцы и пушкари, Катерина Андреевна — невестка священника церкви у Пушечного двора — не отделены от голландцев, взаимодействуют с ними, образуя общую, социально и культурно смешанную среду высокого динамизма, культурные возможности которой от нас скрыты.

²³ А. Г. Бобров выявляет известия о контактах фан дер Блоков с Петром Марселисом, см.: [Бобров, с. 467–469]. О деятельности А. Д. Виниуса в сотрудничестве с Петром Марселисом см.: [Лисейцев, Шамин].

Легенда о калабрийском пророке — текст, на первый взгляд, нелепый, в действительности содержательный, в нем можно выявить задачи, которые ставил перед собой Томмазо Кампанелла, когда в 1599 г. попытался организовать в Калабрии восстание против испанского владычества с целью создания идеальной республики и обновления мира. Опираясь на эсхатологические учения, на данные астрономии, астрологии, на натурфилософские теории, молодой Кампанелла пришел к заключению, что человечество в начале XVII в. ожидают потрясения и перемены, ведущие к концу света. Решающей угрозой он считал приближение Солнца к Земле и последующее перегревание планеты, подготовляющее ее гибель²⁴.

Калабрийский заговор стоил Кампанелле 27 лет заключения в тюрьме. Розыск с пытками вели представители испанской короны, обвиняя его в заговоре с целью покушения на власть и жизнь испанского вице-короля; церковное инквизиционное расследование вело дело по обвинению в ереси. Заговор 1599 г. был предан, не успев осуществиться, несколько человек были сразу казнены; в расследовании, вовлекшем многих подозреваемых разных социальных слоев, даже из калабрийской знати, речь шла не о реальных действиях, а о неопределенных намерениях. Материалы допросов плохо сохранились, но, поскольку многие подследственные показывали на Кампанеллу как ответственного за заговор, а также в связи с тем, что сам он оставил множество текстов, интерпретирующих цели заговора и свою роль в нем, его фигура выдвинулась на первый план и в процессе следствия, и в дальнейшем в истории. Само следствие в некоторых чертах походило на дело Науменка — бесконечные пытки, оговоры, смутные намерения, которых, может быть, и не было... На одном из поздних этапов Кампанелла избрал стратегию полного отрицания самого факта заговора и объявил заговор выдумкой испанского правительства²⁵. Некоторые историки поддерживают эту версию, исходя из того, в частности, что свидетельства о существовании заговора были исторгнуты пытками. Историк Л. Перини разрабатывал гипотезу о влиянии на Кампанеллу движения анабаптистов в их пацифистском ответвлении и, соответственно, утверждал, что участие его в вооруженном заговоре 1599 г. было невозможно²⁶.

В тюрьме Кампанелла создал свои основные труды, стремясь оправдаться и защитить себя, но вместе с тем и прежде всего выполнить свою

²⁴ Текст времени восстания, не сохранившийся: «Segnali della morte del mondo per fuoco» («Предзнаменования гибели мира от огня»).

²⁵ «Narrazione della Istoria sopra cui fu appoggiata la favola della ribellione» («Повествование об истории, на которую опирается сказка о бунте») — об этом см.: [Brancaccio, p. 198].

²⁶ Ссылку на идеи и труды Перини см.: [Brancaccio, p. 198].

миссию пророка: перечислял предзнаменования великих потрясений, ссылался на книги Иоахима Флорского, Писание и творения отцов Церкви, астрологию и пр., призывал создать на земле царство высшей чистой веры, мира и справедливости как этап в приближении человечества к Страшному суду.

Само восстание 1599 г. как событие не получало устойчивой формы описания в документации расследования, в пыточных речах: оно то укреплялось в значении и возрастало, то преуменьшалось и совсем пропадало, — но, отталкиваясь от него, Кампанелла за годы тюрьмы создал грандиозную эсхатологическую картину — пророчество-откровение, учение о великом преображении — революции, имеющей свершиться и свершающейся в текущем времени перед наступлением последних времен.

Наиболее важный обобщающий труд Кампанеллы этого периода — «16 артикулов с пророчествами, для оправдания своего, согласно всем наукам Божественным и натуральным природным, о событиях, предшествующих наступлению конца света, проявившихся после лета Господня 1600, о коих автор проповедовал в 1599 году»²⁷.

Труд Кампанеллы — это не трактат с последовательным развитием философских идей (жанр вполне ему доступный), в данном случае он выбирает форму компендиума из цитат и отсылок. Бесчисленные ссылки на Писание и церковные авторитеты нужны ему среди прочего и для того, чтобы защищать свои взгляды и действия перед властями, и как гарантия истинности его идей²⁸. В «Артикулах» представлено учение о временах истории, о формах пребывания в мире антихриста, о значении и роли пророков, каковым он мыслит и себя, об обновлении мира перед концом — о всемирном царстве добра, чистой единой веры. Он исходит из Апокалипсиса, следует толкованиям на него Иоахима Флорского. Это историософия, опирающаяся на идею параллельного и вместе с тем линейного развития от Ветхого Завета, через

²⁷ Сочинение составлялось в период после основной серии пыток 1602 г. и до 1607 г. Авторское название: *Articuli prophetales XVI apologiae suae inserti secundum omnes scientias divinas ac naturales, de eventibus praecedentibus instantem mundi finem, manifestandis post annum Christi 1600, prout auctor praedicavit in anno 1599*. Здесь пользуемся научным изданием Германы Эрнст [Campanella].

²⁸ По особенностям композиции, характеру аргументов, по общей эсхатологической направленности это произведение несколько напоминает «Книгу» Спиридона Потемкина, хотя у Потемкина, разумеется, нет астрологического компонента, сильно присутствующего в «Артикулах». Сопоставление «Артикулов» Кампанеллы с «Книгой» Потемкина могло бы дать результаты, полезные для понимания путей развития европейской эсхатологической мысли в XVII в. К сожалению, труд Кампанеллы не переведен с латыни, и поэтому подробный анализ нам недоступен.

Новый Завет, представляющий высшие, центральные идеальные события, к Третьему времени; или развитие видится идущим через семь времен — семь печатей Апокалипсиса, семь чаш-фиалов, семь дней творения, семь эпох Синагоги и семь Церквей, по Иоахиму Флорскому. Это параллельное развитие времен с повторяющимися пришествиями множественных антихристов или предтеч антихриста. В исторических книгах Ветхого Завета Кампанелла указывает фигуры предтеч антихриста. Например, Антиох, разоривший Иерусалим и воздвигший идолов в храме. Маккавеи, поднявшие восстание против него, — первые пророки пришествия Христова [Campanella, p. 33–34]. Лютера Кампанелла представляет как фигуру, повторяющую по эсхатологической роли Антиоха, явившуюся, когда опрокинулась на землю 5-я чаша, по Апокалипсису. К Лютеру Кампанелла присоединяет и других его соратников, определяя их как ересиархов, отстраняясь от всех (в частности, например, от анабаптистов), уклонявшихся с путей Римской церкви, отводя с помощью этих деталей возводившиеся на него обвинения в еретических наклонностях.

Проповедуя обновление мира перед наступлением конца его, Кампанелла опирается на Новый Завет, на XX главу Апокалипсиса, восходит к истокам миллениаристского учения у ветхозаветных пророков (у пророка Исайи и других), исходит из учения Иоахима Флорского о 7-м времени Церкви, присоединяет к ним учения о золотом веке, свое собственное учение о Городе Солнца [Campanella, p. 80]. Обновление мира тоже неоднократно, оно градуально, множественно и рукотворно. Кампанелла учит революции, радикальному преобразованию, потрясению, используя это слово. Наступающие новые революционные времена объявляют о себе особыми сочетаниями звезд и планет, вернее, революция в звездах и планетах соответствует революции в истории.

Среди прочего сочетание планет и небесных светил 24 декабря 1603 г. указывает на революцию нового рождения — прихода мессии, поскольку оно соответствует тому, что было при Рождестве Христове. И никогда после этого и до наступившего момента не соединялось столь великое преобразующее мир собрание (сочетание планет и светил) — как говорит Кампанелла, великий синод в его революции²⁹.

Мессия — в центре нового универсума, по Кампанелле, он рождается или приходит в начале XVII в. Акцентирование фигуры мессии как почти уже

²⁹ Haec figura est ipsamet revolutio nativitatis Messiae, quoniam ipse Solem habuit in 2 Capricorni, et numquam post eius ortum occurrit synodus magna in eius revolutione, ut nunc punctim Articuli prophetales [Campanella, p. 285].

актуальной, исторической, воплощенной, мало свойственно культурным эсхатологическим учениям милленаристской направленности. Иоахим Флорский, учению которого следовал Кампанелла, видел мир близким к завершению времен, на границе нового миллениума, времени Св. Духа, и иногда усваивал себе эсхатологическую роль пророка Ильи, одного из двух последних пророков наряду с Енохом. Сам Кампанелла видел себя пророком в цепи пророков и учителей, начавшейся в ветхозаветные и новозаветные времена, протянувшейся через последовательность учителей Церкви и святых вплоть до его времени. Искушали ли его какие-либо более конкретные самоотжествления — нам неизвестно. Но несомненно, что внимание его к эсхатологической фигуре мессии было значительным.

Возникновение у молодого Кампанеллы интереса к мессианству, к фигуре нового мессии Дж. Бранкаччо связывает с влиянием на него еврея-каббалиста Исаака Луриа и его ученика визионера Хаима Витала Калабрийца [Branaccio, p. 29].

В московском тексте о калабрийском восстании есть ряд деталей, соответствующих исторической ситуации 1599 г. и планам Кампанеллы. Например, в версии фан дер Блока указано, что Калабрия находится между Испанией и Турцией — это не географическое, а политическое положение ее в период восстания: Калабрия находилась под властью испанской короны и управлялась вице-королем, а турецкий флот, враждебный испанцам, стоял у восточного берега Калабрии, и заговорщики полагали возможным в какой-то момент прибегнуть к турецкой помощи. Горы в московском тексте обозначены как место создания нового царства. В планы Кампанеллы как руководителя заговора (по последующим версиям и допуская, что заговор был и что Кампанелла действительно им руководил) входила идея создать новый мир на горе — в Стило, месте его рождения. В более определенных версиях — в сочинениях Кампанеллы тюремного периода, и в «Городе Солнца», и в «Articuli prophetales», и других — расположение на горах, на горе неизменно характеризует идеальный мир, создаваемый в конце времен. Протест против налогов и пошлин при отсутствии антимонархических лозунгов отличал выступления против испанской власти в Калабрии и Неаполитанском королевстве в целом весь период волнений.

Возникает вопрос, почему легенда о калабрийском восстании оказалась передана русским стрельцам в период 1630-х — рубежа 1640-х гг. как актуальное известие.

Для объяснения можно сослаться на обстоятельства 1633 г., когда в Риме появились слухи о новом восстании в Неаполитанском королевстве против испанского вице-короля, повторяющем заговор 1599 г., поднятом

учеником Кампанеллы доминиканцем Томмазо Пиньятелли. Кампанелле опять приписывалась роль вдохновителя, ответственного за всё. Легенда воплотилась с такой конкретностью, что Кампанелле под угрозой ареста пришлось спешно покинуть Рим и искать приюта во Франции, где он и окончил свои дни. Не знаем, насколько реален был этот новый заговор и был ли он вообще, одно несомненно: в 1630-е гг. легенда о калабрийском пророке и его восстании, с компонентами нам известными, существовала и проявляла способность к актуализации³⁰.

Не знаем, насколько выраженной была мессианская тема в легенде, донесшейся до Рима в 1633 г., но учтем, что, согласно расчетам Кампанеллы, новое рождение мессии уже произошло в 1603 г. и, таким образом, 1633-й был подходящим для его вступления в действие. Некоторый намек на мессианский элемент содержится в показаниях Пиньятелли, путаных, данных под пыткой во время следствия (потом он от них отрекся); по этой пыточной версии, Кампанелла был великим врагом испанской короны и ждал явления французского короля, как иудеи ждали мессию³¹.

Неясно, почему текст легенды, не циркулировавшей среди иностранных известий, не получившей отражения в других русских источниках, представлявшей собой отзвук проектов Кампанеллы, оказался в руках московского стрельца Григория Казанца и его жены.

Отметим только, что Московия была безразлична Кампанелле, на нее было направлено его внимание, к ней имел отношение один из его милленаристских проектов — план религиозного объединения мира под властью папы. В 1616–1617 гг., еще будучи в тюрьме и надеясь добиться освобождения и признания, на основе многих предшествующих идей Кампанелла составил для папы меморандум о преобразении мира, которому предстояло соединиться в единой вере³². Меморандум включал конкретные планы римско-католической миссии, которые Кампанелла готов был брать на себя. Задача сочинения — созвать религиозный конгресс мира ввиду близкого конца света. В первой части помещались послания к разным властителям, среди которых находится Послание к великому князю Московскому и к греческим

³⁰ Исследователь калабрийского восстания Дж. Бранкаччо не отвечает на эти вопросы и не углубляется в анализ ситуации 1633 г., отсылая к реконструкции истории заговора 1633 г., осуществленной в специальной работе Л. Амабиле [Amabile], см.: [Brancaccio, p. 308–311].

³¹ Так — в докладе, составленном для испанского короля на основании признания Пиньятелли, сделанного под пытками 3–8 октября 1634 г. [Amabile, p. 157, цит. по: Brancaccio, p. 310].

³² Меморандум был впервые представлен на одобрение папы в 1618 г., но потом из-за смерти папы дождался духовной цензуры еще десятилетие. Об этом сочинении — «Volumen Quadrupartitum» — писал авторитетный исследователь манускриптов Кампанеллы И. И. Квачала, см.: [Квачала, с. 9–11].

прелатам. Ватиканская рукопись была изучена И. И. Квачалой, который опубликовал Послание Московскому великому князю на латыни с развернутым предисловием [Квачала].

Судьба Московии, согласно Кампанелле, предопределена расположением звезд и предуказана знаменьями. Новая звезда в Кассиопее 1572 г. [Квачала, с. 27] и старые пророчества свидетельствуют, что Московии предназначена большая задача — одоление мусульманства. (На миссию Московии победить турок и овладеть Константинополем Кампанелла указывал уже в раннем произведении — в книге об испанской монархии [Квачала, с. 13]).

Как и римские власти предшествующих эпох, но с элементом астрологического прогностика, Томмазо Кампанелла предлагал Московии миссию освобождения Царьграда от турок, и в качестве награды — власть над Царьградом.

Но прежде всего Московия нуждается в просвещении, имеется в виду не культура, но правильность вероучения. По словам Кампанеллы, земля Московского великого князя велика, но неплодородна и необразованна, образование позволит московскому властителю возвыситься над всеми, но нужно помнить, что греки во многом ошибались, и не справедливо ссылаться на них — они наказаны Магометом. (Говоря о падении Византийской империи, Кампанелла упоминает доктрину Иоахима Флорского.)

Призывая великого князя заняться образованием своего народа, чтобы прийти к пониманию учения соборов и значения Римской церкви, Томмазо Кампанелла изъявляет готовность приехать, чтобы оказать в этом деле помощь. А пока Московский великий князь остается схизматиком и еретиком³³.

Маловероятно, что царь Михаил Федорович получил это послание, но какие-то попытки передать его не исключаем, принимая во внимание религиозный жар убеждений и силу намерений Кампанеллы, активность в попытках реализации идей.

После окончательного освобождения в 1629 г. Кампанелла несколько лет оставался в Риме, пользуясь поддержкой папы Урбана VIII, с которым находился в личном общении, имел даже доступ в папские покои. Папа нуждался в его натурфилософских, медицинских, астрологических, магических познаниях. С помощью трав, кореньев, камней, окуливания комнаты специальными ароматами, неизвестно каких словесных внушений и заклинаний Кампанелла должен был бороться с болезнями и угрозой смерти, предуказанной папе то ли несчастливими небесными знаменьями, то ли злокоз-

³³ Излагаем преимущественно по предисловию в книге И. И. Квачалы.

ненными интерпретаторами знамений, старавшимися смутить, напугать и, возможно, даже уничтожить Урбана VIII. Кажется, существовал заговор с намерением «испортить» папу. Философ успокаивал тревоги и меланхолию папы уговорами, философскими и астрологическими рассуждениями и даже письменным сочинением о методах уклонения от несчастливой астральной судьбы³⁴.

Какие корни и зачем носили Офонька или Катерина Андреевна в покои к царице? Уж конечно, не для «порчи», а скорее в помощь ей, угнетенной расстройством здоровья и всё растущей меланхолией царя³⁵. Непривычно представлять себе, что ко двору ходили Екатерина Андреевна или отставной стрелец Офонька, а не кто-нибудь, сформированный более высокой культурой и принадлежащий более высокой среде. Но, как отмечает В. Ф. Райян в своем исследовании по истории русской магии, гадательная, астрологическая прогностическая литература и практика не вписываются в бинарную схему разделения на высокую и низкую культуру, и национальная специфика их невелика. Хотя в России XVII в. формировался особый культурный слой и сам царь Алексей Михайлович проявлял интерес и внимание к западным научным известиям, но при всем этом он «продолжал сильно опасаться порчи, как и любой из его подданных-крестьян» [Райан, с. 544].

Кампанелла, при всей своей учености, на раздваивающихся путях естественных наук не выбирает путь специфических научных методов Нового времени; прогностическое значение сверхновой звезды 1572 г. в созвездии Кассиопеи интересует его больше, чем роль ее для новых астрономических расчетов. Для него рождение новой астрономии означает прежде всего новое видение мироздания, оно больше не обладает теми качествами устойчивости и упорядоченности, которые ему приписывал Аристотель. (Аристотеля Кампанелла в своих трактатах обличает с большей горячностью, чем предтечу антихриста.) Мир и космос находятся в драматическом движении, в которое можно вмешаться, предупреждая худшие бедствия религиозным, интеллектуальным, магическим действием. Рассчитав пути звезд, Кампанелла отдается задачам религиозного преобразования мира ввиду пришествия антихриста и приближающегося конца света. В этом смысле он похож на русских религиозных радикалов XVII в. больше, чем на Галилея.

³⁴ Эта история хорошо задокументирована в источниках, письмах современников и пр., опубликованных Л. Амабиле, см.: [Brancaccio, p. 296–299].

³⁵ Тяжелое состояние здоровья царя Михаила, по свидетельствам иностранных медиков времени, близкого к его смерти в 1645 г., определялось сочетанием психологических и физических факторов, см.: [Соловьев, с. 241–242].

Брожение идей, религиозных, эсхатологических, даже с элементами миллениаризма, шло в России в 1630—1640-е гг. и продолжалось далее: ревнители церковного благочестия, деятельность Печатного двора — «Кирилла книга» и «Книга о вере»; движение «капитонов», одним из основателей которого был иностранец Вавила, учившийся в Сорбонне («все художественные науки прошел» в «славней парижстей академии»³⁶), возможно, в то самое время, когда там подвизался Кампанелла, — всё это может быть отнесено к эпохе барокко в том значении, которое ей придавали Р. Виллари и А. М. Панченко³⁷.

Литература

- Агеева — *Агеева Е. А.* Капитон // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2012. Т. 30. С. 547–551.
- Берман — *Берман А. Г.* Социальный контекст истории ранней христовщины // *Aliter*. 2019. № 12. С. 7–23.
- Бобров — *Бобров А. Г.* Копенгагенский сборник середины XVII в. и его вероятный составитель псковский стрелец Демидка Воинов // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т. 51. С. 463–476.
- Богоявленский — *Богоявленский С. К.* Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI–XVII веков. М.: Языки славянской культуры, 2006. 608 с.
- Вести-Куранты. 1600–1639 — Вести-Куранты: 1600–1639 гг. / Подгот. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина. М.: Наука, 1972. 347 с.
- Вести-Куранты. 1645–1646, 1648 — Вести-Куранты: 1645–1646, 1648 гг. / Подгот. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов. М.: Наука, 1980. 408 с.
- Горбенко — *Горбенко А. Н.* Меннониты // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2016. Т. 44. С. 701–715.
- Живов — *Живов В. М.* История языка русской письменности: В 2 т. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2017. Т. 1. 816 с.

³⁶ Это известие о Вавиле содержится в «Винограде российском». Цит. по: [Зеньковский, с. 150–151]. О Капитоне и его последователях см. новый обзор: [Агеева].

³⁷ Вопросы о тенденциях, которые мы здесь называем мессианскими и миллениаристскими, в русских религиозных и социальных движениях XVII в. мы ставили вместе с Присциллой Хант в параллельных исследованиях на рубеже 1970–1980-х гг. Тогда речь шла о евангельских реминисценциях в автобиографических текстах Аввакума (см.: [Хант] и ряд последующих ее работ), о самосакрализации и мистериальности, о чертах мессианизма в легендах и слухах народных движений XVII в. (Степана Разина, Кузьмы Косого), о ранней христовщине и ее христах ([Плюханова 1982] и другие наши работы, итоговая публикация: [Плюханова 1996], в частности глава «Самосакрализация и Страшный суд в христовщине» [Плюханова 1996, с. 430–435]). А. М. Панченко отнесся к этому подходу внимательно и критически: см. в предисловии к его труду «Русская культура в канун Петровских реформ» [Из истории русской культуры, с. 46–47]. Сейчас учеными, возглавляемыми А. А. Панченко [Панченко А. А.], ведется углубленное исследование христовщины и других мистических сект. В частности, А. Г. Берман, рассматривая социальные корни христовщины, возводит это течение к сословию московских стрельцов XVII в., или к солдатскому, или к иноземцам на русской службе [Берман, с. 8–11].

- Зеньковский — *Зеньковский С. А.* Русское старообрядчество. Духовные движения семнадцатого века. = Zenkovsky Serge A. Russia's Old-believers. Spiritual Movements of the Seventeenth Century. München: Fink Verlag, 1970. 528 с.
- Зерцалов — *Зерцалов А. Н.* К материалам о ворожбе в Древней Руси: Сыское дело 1642–1643 гг. о намерении испортить царицу Евдокию Лукьяновну // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских. М.: Унив. тип., 1895. Кн. 3. С. 1–38.
- Из истории русской культуры — Из истории русской культуры. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. Т. 3: (XVII — начало XVIII века) / Сост. А. Д. Кошелев. 624 с.
- Квачала — *Квачала И. И.* Послание Ф. Кампанеллы к великому князю Московскому. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1905. 28 с.
- Лисейцев, Шамин — *Лисейцев Д. В., Шамин С. М.* «Годы бедствий» первого российского заводчика Андрея Денисовича Винуиса // *Quaestio Rossica*. 2018. Vol. 6, No 4. P. 984–994.
- Московская деловая и бытовая письменность — Московская деловая и бытовая письменность XVII века / Подгот. С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. М.: Наука, 1968. 338 с.
- Новый летописец — Новый летописец // Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 14 / Под ред. С. Ф. Платонова, П. Г. Васенко. С. 23–154.
- Панченко А. А. — *Панченко А. А.* Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М.: ОГИ, 2004. 542 с.
- Панченко А. М. 1973 — *Панченко А. М.* Русская стихотворная культура XVII века. Л.: Наука, 1973. 280 с.
- Панченко А. М. 1977 — *Панченко А. М.* Два этапа русского барокко // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1977. Т. 32. С. 100–106.
- Панченко А. М. 2000 — *Панченко А. М.* О русской истории и культуре. СПб.: Азбука, 2000. 464 с.
- Плюханова 1982 — *Плюханова М.* О некоторых чертах личностного сознания в России XVII века // *Художественный язык Средневековья* / Отв. ред. В. А. Карпушин. М.: Наука, 1982. С. 184–200.
- Плюханова 1996 — *Плюханова М.* О национальных средствах самоопределения личности: самосакрализация, самосожжение, плавание на корабле // *Из истории русской культуры* / Сост. А. Д. Кошелев. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. Т. 3 (XVII — начало XVIII века). С. 380–459.
- Плюханова 2021a — *Плюханова М. Б.* «Сон Богородицы» у А. Н. Веселовского и далее: некоторые вопросы итало-русского компаративного исследования христианской легенды // *Пространство безграничной словесности: Сб. ст. к 70-летию В. Е. Багно*. СПб.: Нестор-История, 2021. С. 376–405.
- Плюханова 2021b — *Плюханова М. Б.* «Сон Богородицы» — “Sogno di Maria” в контексте итальянской словесности о Страстях Христовых // *Словесность и история*. 2021. № 3. С. 34–61.
- Повесть о взятии Царьграда — Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 году // БЛДР. СПб.: Наука, 2005. Т. 7: Вторая половина XV века / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. С. 26–71.
- Райан — *Райан В. Ф.* Баня в полночь: Исторический обзор магии и гаданий в России / Пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 720 с.

- Романов — *Романов М. Ю.* Стрельцы Московские. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2004. 352 с.
- Соболевский — *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв.: Библиографические материалы. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1903. 460 с.
- Соловьев — *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен // Соловьев С. М. Соч.: в 18 кн. М.: Мысль, 1990. Кн. 5, т. 9–10: История России с древнейших времен / Отв. ред. И. Д. Ковальченко, С. С. Дмитриев. Т. 9. 718 с.
- Солодкин — *Солодкин Я. Г.* О датировке и хронологической структуре Нового летописца // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2004. № 3 (17). С. 39–46.
- Хант — *Хант П.* Самооправдание протопопы Аввакума // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1977. Т. 32. С. 70–83.
- Чернов — *Чернов А. В.* Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. (с образования централизованного государства до реформ при Петре I). М.: Воениздат, 1954. 224 с.
- Чистов 1967 — *Чистов К. В.* Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М.: Наука, 1967. 341 с.
- Чистов 1986 — *Чистов К. В.* Народные традиции и фольклор. Л.: Наука, 1986. 304 с.
- Шамин 2020а — *Шамин С. М.* Иностранная пресса и русская культура конца XV — начала XVIII столетия: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2020. 627 с.
- Шамин 2020б — *Шамин С. М.* Иностранные «памфлеты» и «курьезы» в России XVI — начала XVIII столетия. М.: Весь Мир, 2020. 392 с.
- Amabile — *Amabile L.* Fra Tommaso Pignatelli: La sua congiura e la sua morte. Napoli: Morano, 1887. 218 p.
- Brancaccio — *Brancaccio G.* Calabria ribelle. Tommaso Campanella e la rivolta politica del 1599. Milano: Biblioteca di Storia Franco Angeli, 2019. 356 p.
- Campanella — *Campanella Tommaso.* Articoli prophetales / Ed. crit. a cura di Germana Ernst. Firenze: La Nuova Italia, 1977. XLVI + 317 p.
- Firpo — *Firpo L.* Tommaso Campanella e la sua Calabria // Atti del III Congresso storico calabrese. Napoli: Fausto Fiorentino Editore, 1964. P. 1–20.
- Skibiński — *Skibiński F. Jan.* Willem van den Blocke Netherlandish sculptor in the Baltic Region. Utrecht: Utrecht University, 2013. 611 p.
- Töpfer — *Töpfer B.* Il regno futuro della libertà: lo sviluppo delle speranze millenaristiche nel Medioevo centrale. Genova: Marietti, [1992]. 407 p.
- Villari 1980 — *Villari R.* La rivolta antispagnola a Napoli. Le origini (1585–1647). Bari: Laterza, 1980. VIII + 306 p.
- Villari 1998 — *L'uomo barocco / a cura di R. Villari.* Bari: Editori Laterza, 1998. 384 p.
- Walker — *Walker D. P.* Spiritual and Demonic Magic: from Ficino to Campanella. Pennsylvania: The Pennsylvania state University Press, 2000. 144 p.

References

- Ageeva, E. A. (2012). 'Kapiton', in: *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow: Tserkovno-nauchnyi tsentr "Pravoslavnaya Entsiklopediya". Vol. 30, 547–551.
- Amabile, L. (1887). *Fra Tommaso Pignatelli: La sua congiura e la sua morte*. Napoli: Morano, 218 p.
- Berman, A. G. (2019). 'Sotsial'nyi kontekst istorii rannei khristovshchiny', *Aliter*, 12, 7–23.
- Bobrov, A. G. (1999). 'Kopengagenskii sbornik serediny 17 veka i ego veroyatnyi sostavitel' pskovskii strelets Demidka Voinov', in: D. S. Likhachev, ed. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Vol. 51. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 463–476.

- Bogoyavlenskii, S. K. (2006). *Moskovskii prikaznyi apparat i deloproizvodstvo 16–17 vekov*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 608 p.
- Brancaccio, G. (2019). *Calabria ribelle. Tommaso Campanella e la rivolta politica del 1599*. Milano: Biblioteca di Storia Franco Angeli, 356 p.
- Campanella, T. (1977). *Articuli prophetales*. Firenze: La Nuova Italia, XLVI + 317 p.
- Chernov, A. V. (1954). *Vooruzhennyye sily Russkogo gosudarstva v 15–17 vekakh. (s obrazovaniya tsentralizovannogo gosudarstva do reform pri Petre I)*. Moscow: Voenizdat, 224 p.
- Chistov, K. V. (1967). *Russkie narodnye sotsial'no-utopicheskie legendy 17–19 vekov*. Moscow: Nauka, 341 p.
- Chistov, K. V. (1986). *Narodnye traditsii i fol'klor*. Leningrad: Nauka, 304 p.
- Firpo, L. (1964). 'Tommaso Campanella e la sua Calabria', in: *Atti del III Congresso storico calabrese*. Napoli: Fausto Fiorentino Editore, 1–20.
- Gorbenko, A. N. (2016). 'Mennonity', in: *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow: Tserkovno-nauchnyi tsentr 'Pravoslavnaya entsiklopediya'. Vol. 44, 701–715.
- Khant, P. (1977). 'Samoopredelenie protopopa Avvakuma', in: D. S. Likhachev, ed. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Leningrad: Nauka. Vol. 32. Tekstologiya i poetika russkoi literatury 11–17 vekov, 70–83.
- Koshelev, A. D., ed. (1996). *Iz istorii russkoi kul'tury*. Moscow: Shkola 'Yazyki russkoi kul'tury'. Vol. 3. (17 — nachalo 18 veka), 624 p.
- Kotkov, S. I., Oreshnikov, A. S., Filippova, I. S., eds. (1968). *Moskovskaya delovaya i bytovaya pis'mennost' 17 veka*. Moscow: Nauka, 338 p.
- Kvachala, I. I. (1905). *Poslanie F. Kampanelly k velikomu knyazyu Moskovskomu*. Yur'ev: Tipografiya K. Mattisena, 28 p.
- Likhachev, D. S., Dmitriev, L. A., Alekseev, A. A., Ponyrko, N. V., eds. (2005). 'Povest' o vzyatii Tsar'grada turkami v 1453 godu', in: *Biblioteka literatury Drevnei Rusi*. Saint Petersburg: Nauka. Vol. 7. Vtoraya polovina 15 veka, 581 p.
- Liseitsev, D. V., Shamin, S. M. (2018). 'Gody bedstvii pervogo rossiiskogo zavodchika Andrey a Denisovicha Viniusa', *Quaestio Rossica*. Vol. 6, 4, 984–994.
- Panchenko, A. A. (2004). *Khristovshchina i skopchestvo: fol'klor i traditsionnaya kul'tura russkikh misticheskikh sekt*. Moscow: Ob"edinennoe gumanitarnoe izdatel'stvo, 542 p.
- Panchenko, A. M. (1973). *Russkaya stikhotvornaya kul'tura 17 veka*. Leningrad: Nauka, 280 p.
- Panchenko, A. M. (1977). 'Dva etapa russkogo barokko', in: D. S. Likhachev, ed. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Leningrad: Nauka, 1977. Vol. 32: Tekstologiya i poetika russkoi literatury 11–17 vekov, 100–106.
- Panchenko, A. M. (2000). *O russkoi istorii i kul'ture*. Saint Petersburg: Azbuka, 464 p.
- Platonov, S. F., Vasenko, P. G., eds. (2000). 'Novyi letopisets', in: *Polnoe sobranie russkikh letopisei*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury. Vol. 14, 23–154.
- Plyukhanova, M. (1982). 'O nekotorykh chertakh lichnostnogo soznaniya v Rossii 17 veka', in: V. A. Karpushin, ed. *Khudozhestvennyi yazyk srednevekov'ya*. Moscow: Nauka, 184–200.
- Plyukhanova, M. (1996). 'O natsional'nykh sredstvakh samoopredeleniya lichnosti: samosakralizatsiya, samosozhzhenie, plavanie na korable', in: A. D. Koshelev, ed. *Iz istorii russkoi kul'tury*. Moscow: Shkola "Yazyki russkoi kul'tury". Vol. 3 (17 — nachalo 18 veka). 380–459.
- Plyukhanova, M. B. (2021). "'Son Bogoroditsy" — "Sogno di Maria" v kontekste ital'yanskoi slovesnosti o Strastyakh Khristovykh' ["Dream of the Virgin" — "Sogno di Maria"

- in the Context of Italian Literary and Folk Texts about the Passion of Christ], *Slovesnost' i istoriya*, 3, 34–61.
- Plyukhanova, M. B. (2021). "Son Bogoroditsy" u A. N. Veselovskogo i dalee: nekotorye voprosy italo-russkogo komparativnogo issledovaniya khristianskoi legendy', in: *Prostranstvo bezgranichnoi slovesnosti: sbornik statei k 70-letiyu V. E. Bagno*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 376–405.
- Ryan, V. F. (2006). *Banya v polnoch': Istoricheskii obzor magii i gadanii v Rossii*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 720 p.
- Romanov, M. Yu. (2004). *Strel'tsy Moskovskie*. Moscow: Gosudarstvennaya publichnaya istoricheskaya biblioteka Rossii, 352 p.
- Shamin, S. M. (2020). *Inostrannaya pressa i russkaya kul'tura kontsa 15 — nachala 18 stoletiya: dissertatsiya ... doktora istoricheskikh nauk*. Moscow, 627 p.
- Shamin, S. M. (2020). *Inostrannye "pamflety" i "kur'ezy" v Rossii 16 — nachala 18 stoletiya*. Moscow: Ves' mir, 392 p.
- Skibiński, F. Jan. (2013). *Willem van den Blocke Netherlandish sculptor in the Baltic Region*. Utrecht: Utrecht University, 611 p.
- Sobolevskii, A. I. (1903). *Perevodnaya literatura Moskovskoi Rusi 14–17 vekov. Bibliograficheskoe materialy*. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk, 460 p.
- Solodkin, Ya. G. (2004). 'O datirovke i khronologicheskoi strukture Novogo letopistsa', *Drevnyaya Rus'*. *Voprosy medievistiki*, 3 (17), 39–46.
- Solov'ev, S. M. (1990). 'Istoriya Rossii s drevneishikh vremen', in: I. D. Koval'chenko, S. S. Dmitriev, eds. *S. M. Solov'ev, Sochineniya: v 18 knigakh. Kniga 5, Vol. 9–10. Istoriya Rossii s drevneishikh vremen*. Moscow: Mysl'. Vol. 9, 718 p.
- Tarabasova, N. I., Dem'yanov, V. G., eds. (1980). *Vesti-Kuranty. 1645–1646, 1648 gody*. Moscow: Nauka, 408 p.
- Tarabasova, N. I., Dem'yanov, V. G., Sumkina, A. I., eds. (1972). *Vesti-Kuranty. 1600–1639 gody*. Moscow: Nauka, 347 p.
- Töpfer, B. (1992). *Il regno futuro della libertà: lo sviluppo delle speranze millenaristiche nel Medioevo centrale*. Genova: Marietti, 407 p.
- Villari, R. (1980). *La rivolta antispagnola a Napoli. Le origini (1585–1647)*. Bari: Laterza, VIII + 306 p.
- Villari, R., ed. (1998). *L'uomo barocco*. Bari: Editori Laterza, 384 p.
- Walker, D. P. (2000). *Spiritual and Demonic Magic: from Ficino to Campanella*. Pennsylvania: The Pennsylvania state University Press, 144 p.
- Zen'kovskii, S. A. (1970). *Russkoe staroobryadchestvo. Dukhovnye dvizheniya semnadsatogo veka* [Russia's Old-believers. Spiritual Movements of the Seventeenth Century]. München: Fink Verlag, 528 p.
- Zertsalov, A. N. (1895). 'K materialam o vorozhbe v Drevnei Rusi. Sysknoe delo 1642–1643 godov o namerenii isportit' tsaritsu Evdokiyu Luk'yanovnu', in: *Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostei rossiyskikh*. Moscow: Universitetskaya tipografiya. Vol. 3, 1–38.
- Zhivov, V. M. (2017). *Istoriya yazyka russkoi pis'mennosti*: 2 vols. Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo. Vol. 1, 816 p.